

Бочкарёв А. С. Проблема дезертирства из олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2023. 206 с.

Защищена 29 июня 2023 г. в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского. Объявление на веб-странице диссертационного совета: <https://diss.unn.ru/1346> (21.12.2023).

[Текст диссертации](#)

[Автореферат](#)

Адриан Александрович Селин, д. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, оппонент:

Диссертационное исследование А. С. Бочкарева о дезертирстве в армии Российского царства середины XVII в. — оригинальный и новаторский труд на весьма актуальную тему (далеко не все возможные перспективы, вырастающие из данного — законченного — труда автор счел возможным обозначить). В работе четко прописаны актуальность и новизна исследования, Исследование А. С. Бочкарева четко вписано в современную глобальную историографию. Текст выстроен весьма изящно; структура работы не вызывает нареканий. Очень важно умение исследовать феномен (в данном случае — феномен дезертирства) в синхронной (XVII в.) и диахронной (проблема дезертирства как такового) перспективах. Исследователю удается выходить за рамки узкой проблематики военной истории раннемодерной России и, тем самым, указывать на значение своего исследования за пределами формирующегося (или сформированного) нарратива национальной истории.

Обозначенный Бочкаревым феномен дезертирства, являющийся объектом исследования рассмотрен досконально именно как понятие. В той части работы (описание объекта исследования) мне не хватило отсылки к оптике, истории понятий (*Begriffsgeschichte*) сформулированной прежде всего Р. Козеллеком¹, хотя нет сомнения в том, что данная оптика в исследовании присутствует. Отсылка к ключевым (для конца XX в.) историографическим парадигмам смогла бы, как мне представляется, значительно усилить ту часть диссертации, где определяется методология исследования: именно таким образом — с отсылкой к ведущим глобальным школам исторической мысли, стоит данный раздел формировать (тогда беспомощная терминология типа «историко-генетический метод» и проч. просто автоматически уйдут из текста).

Выражу, конечно, свои сомнения в «институциональном подходе», о котором пишет диссертант. Можно ли что-то всерьез говорить именно о «государственных

¹ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2023. Выпуск / Issue 8

институтах» применительно к России XVII в.? Большой вопрос. Можно ли говорить, вслед за автором об «институте пашенных солдат» (с. 30)? Полагаю, что собственно диссертационное исследование показывает, что институтом это не было: именно дезертирство, отражающее неприятие обществом неумелых действий местной власти по реализации непродуманных идей московских дьяков показывает, что устойчивой конструкцией, не зависящей от политических (и иных) перемен, олонекские пашенные полки не были. Стоит ли их считать институтом? При этом я полностью солидаризируюсь с диссертантом в связи с его скепсисом по отношению к «сословности» московского (русского) общества в XVII веке (до 1714/1722 гг.). Большую мою поддержку вызывают наблюдения о социальной трансформации в Карелии в связи с появлением пашенных солдат («от сироты — к холопу»). Как сказано мной выше, это открывает важные (и не всегда проговоренные автором) исследовательские перспективы.

С точки зрения «узкой» историографии истории Карелии XVII в. очень важно уважительное отношение диссертанта к своим коллегам — прежде всего, к А. Ю. Жукову² и Д. В. Брусницыной³, которые (представляется — с меньшим, чем диссертант успехом) обращались к данной теме. Отсылки к их работам всегда уместны, полны и весьма корректны. С другой стороны, встречающиеся в тексте диссертации ссылки на книгу В. А. Волкова⁴ кажутся мне излишними: особенных самостоятельных наблюдений у этого автора, которые не были бы сформулированы в других важных исследованиях (А. В. Чернова⁵, О. В. Курбатова⁶, А. В. Малова⁷) мне неизвестны. С другой стороны, когда А. С. Бочкарев выходит на вопросы «большой», сравнительной историографии, видимой лакуной оказывается отказ ученого от рассмотрения проблемы плена в раннемоdernую эпоху, хорошо проработанную в науке и, как мне представляется, тесно связанную с теми вопросами, которые ставятся в диссертации.

С некоторыми положениями вводной части текста я не могу согласиться. Так, на с. 6 А. С. Бочкарев пишет: «...обеднение и неспособность поместной конницы обеспечивать свою службу, особенно в последней трети XVI — начале XVII вв. из-за продолжительной Ливонской войны и Смуты, стало основным фактором массового уклонения и бегства из армии». Я полагаю, что здесь сохранность источников, весьма неравномерная для раннемоdernой эпохи, уводит нас в область слабых предположений. Достаточно плохо известно, насколько в первой половине — середине XVI в. практиковалось дисциплинирование помещиков, насколько

² Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в.

³ Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонекской воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 104-118.

⁴ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.

⁵ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М., 1954.

⁶ Курбатов О. А. Военные реформы России второй половины XVII века: Конница. М., 2017.

⁷ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006.

последовательно московская власть реализовывали угрозу (и норму) о конфискации поместий до последней трети XVI в. Тут весьма интересна была бы сравнительная перспектива: поместное войско/посполитое рушение великого княжества Литовского середины XVI в., важнейшей причиной кризиса которого, как показал, к примеру, А. Янушкевич, был отказ господарской власти от конфискации шляхетских держаний за неявку на службу уже в 1560-е гг.⁸ Притом что сравнительный метод не только не чужд, но скорее присущ А. С. Бочкареву, весьма интересны и уместны сравнения военных реформ в Карелии XVII в. со сходными почти синхронными мероприятиями в Речи Посполитой и Шведском королевстве (с. 36 и далее), а также (и это весьма важно для построений А. С. Бочкарева) с устройством комарицких драгун на Белгородской засечной черте (что явилось своеобразной моделью для создания олонекских полков).

Также не могу согласиться с поддержанным А. С. Бочкаревым (с. 7) утверждением А. Ю. Жукова о том, что существовал будто бы некий «поместно-земский полк Корельского уезда» конца XV–XVI вв.⁹ Думается, что никаких указаний на такой «полк» в источниках нет и само его существование — это какая-то фантомная конструкция. Известно, что в XVI в. новгородские помещики служили по пятинам (или в осадной службе по городам), никаких других данных в Разрядах нет.

Подчеркну высокое качество описания источниковой базы диссертации (это также выгодно отличает работу А. С. Бочкарева от предшествующих исследований сходной проблематики). Данное описание убеждает как основание для диссертационного исследования: источники классифицированы не по местам хранения, но по категориям, категории разнообразны (а не сводятся, к примеру, у одним «солдатским книгам»).

В представленном труде А. С. Бочкарев делает ряд весьма важных наблюдений, на которых мне хотелось бы сделать акцент. Прежде всего — это хронологический аспект проблемы дезертирства в олонекских полках. Ученым предложена периодизация дезертирства (важнейший фактор: война, военные действия). «Раннее» дезертирство олонекских солдат — дезертирство крестьян из учебных частей. Поначалу (до начала войны с Речью Посполитой) оно было весьма малочисленным. (тут интересно также наблюдение А. С. Бочкарева о том, что учебный график олонекских полков перекликался с боевой подготовкой шведской армии). Другая проблема: сравнение дезертирства и крестьянского бегства. Диссертант не ставит знак равенства между этими явлениями, но указывает (для олонекских полков) несомненную связь, когда пишет о феноменологии дезертирства в Карелии. Максимальные масштабы дезертирства принимает при столкновении со шведской армией, гибелью солдат на войне. Еще один фактор — эпидемия чумы. А. С. Бочкарев отмечает, что в 1657 г. среди крестьян больше уклонистов, чем дезертиров. Но в этом году (по солдатской переписи) в олонекских полках насчитывалось до 18 % беглых (с. 67).

⁸ Янушкевич А. Ливонская война: Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2013.

⁹ Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. С. 364–366, 374.

С ходом войны происходило ухудшение морального состояния олонецких полков. К 1662 г в бегах было более четверти солдат (с. 72). А. С. Бочкарев уже здесь обозначает причину этого: «служат все, без перемен». Ученый отмечает столкновения дезертиров с высыльщиками. Сравнивает с соседней Финляндией и столкновениями со шведскими офицерами, мобилизовавшими в армию финских крестьян.

Во второй главе диссертации подробно рассмотрены факторы дезертирства олонецких солдат. Основной фактор: слабость денежно-продовольственного обеспечения поселенных войск (и раннемодерных армий вообще). Ученый подчеркивает общеевропейский характер данной проблемы. Борьба с этим в середине XVII в. привела к первым попыткам создания инфраструктуры обеспечения. Война уже не кормит войну. Однако противоречие «самоснабжение» vs государственные поставки (закупки) сохраняется до XVIII в., когда возникает интендатская службы. Все это происходит на фоне существования также и архаичных форм поставок: старинная посошная служба.

Другой фактор — дестабилизация полков в результате финансовой аферы правительства 1650–1660-х гг. А. С. Бочкарев рассматривает вопрос о выдаче денежного жалованья солдатам и о зачитывании в счет жалованья продовольственных выплат. Развал армии в результате финансового кризиса (заостряет) (с. 95–97). Нереальная дороговизна приводила подчас к чрезвычайным дополнительным выплатам солдатам и урядникам, однако в целом проблемы это не решало.

Третий фактор — нарушения порядка службы местными властями. Именно это, как показывает А. С. Бочкарев, в итоге вело к мятежу. Ошибки и перегибы в дисциплинировании солдат со стороны местных властей и командиров приводили к нарушению социального баланса. Все это происходило на фоне таких практик, как круговая порука. В годы военного напряжения для удовлетворения запросов действующих воевод на людские ресурсы местные власти пошли на нарушение двухпеременного порядка службы, что вызвало социальный дисбаланс и в результате — его кульминацию — мятеж в Пскове в 1662 г. Он начался с вооруженного побега большой группы солдат и последующего вооруженного столкновения беглых с другими солдатами. Посадские люди Пскова сорвали показательную казнь зачинщиков. Все это чуть было не привело к очередному псковскому мятежу.

Существенным фактором, оказывавшим влияние на дезертирство, был военный. Бегство солдат вызывали поражения войск в Карелии и в Олонецком уезде, и в итоге это вело к истощению мобилизационного ресурса.

В третьей главе рассмотрено групповое дезертирство олонецких солдат и борьба с ним; то, как именно реализовывалось противостояние олонецких солдат и властей. А. С. Бочкарев подчеркивает, что одиночное дезертирство было скорее редкостью. Важным дискурсивным топосом в противостоянии был «скоп», единчество нарушивших закон. Ученый разбирает несколько кейсов коллективных побегов.

На мой взгляд, в этой части диссертации несколько искусственна (но весьма важна и интересна сама по себе) подробная вставка о чинах полков Олонецкого уезда с подробной росписью обязанностей. Чрезвычайно важны для исследовательских построений А. С. Бочкарева вопрос об урядниках и беглых солдатах и вопрос о начальных людях (сперва только из иноземцев) и противостоянии их со вчерашними крестьянами. Ученый рассматривает феномен побега из полков и роль в нем урядников. А. С. Бочкарев ставит вопрос о доверии к урядникам со стороны солдат. Он пишет, что решение о побеге: принимали как правило сержанты олонецких полков. Одновременно на урядниках лежала и должностная ответственность (медленно заменявшая собой архаичную практику круговой поруки).

Важная часть этой главы — рассмотрение А. С. Бочкаревым наказаний за дезертирство. Он справедливо пишет, что они были в XVII в. социально обусловлены и различались за сходные проступки для начальных людей, урядников и солдат (телесные наказания, денежные взыскания). Важен вывод ученого: дезертирство в московской культуре XVII в. — не уголовное преступление. По классификации Н. Ш. Коллманн, оно лежало между правонарушением и преступлением¹⁰. Наказания за укрывательство дезертиров назначались сходными с наказаниями за укрывательство беглых крестьян и холопов. В этом вопросе также важно используемое сравнение со сходными практиками в Речи Посполитой и Шведском королевстве.

Последняя часть этой главы посвящена сыску и возврату дезертиров. А. С. Бочкарев отвечает на вопрос: кто был сыщиком? Ими были начальные люди, дворяне, дети боярские и новокрещены, назначенные местными властями. В годы войн наблюдался дефицит кадров для розыска. Среди практикуемых мер А. С. Бочкарев отмечает штрафы, налагавшиеся на семьи дезертиров и использование механизма поруки. Ученый рассматривает поручные записи и состав поручителей, а также состав и численность конвоев при возвратившихся дезертиров.

В заключительной части диссертации А. С. Бочкарев демонстрирует, что основные положения, вынесенные им на защиту. Важнейшим, как мне кажется, наблюдением ученого является то, что кейс олонецких полков указывает на потенциал социальных трансформаций в раннемодерном московском обществе. Само явление, которое рассматривается в диссертации как массовое (и проблемное) фиксируется только после 1654 г. — когда началась война с Речью Посполитой и, особенно, авантюры 1656–1657 гг. со Шведским королевством.

Позволю себе в также некоторые уточнения. На с. 25 А. С. Бочкарев пишет, что «власть осуществляли подьячие новгородских дьяков или дворецкого». Это неудачно и непонятно. Подьячие были в приказах/избах/столах, но не у дьяков или дворецких. На с. 39 ученый пишет: «...с окончанием Тридцатилетней войны

¹⁰ Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Пер. с англ. П. И. Прудовского при участии М. С. Меньшиковой, А. В. Воробьева, Е. А. Кирьяновой, Е. Г. Домниной; науч. ред. А. Б. Каменский. М., 2016.

Кремль укреплял всю линию границы со Швецией...». Ну, нет уверенности, что всю границу (к Северу от Ладожского озера ее протяженность была более тысячи верст); нет и уверенности, что «Кремль» (т. е. центральная власть) занималась этим укреплением.

Отмечу еще несколько важных вещей. При чтении всего текста диссертации обращает на себя внимание очевидный высокий уровень экспертизы А. С. Бочкарева в сфере исторической географии Карелии XVII в.: это дополнительный аргумент в пользу поддержки данного диссертационного исследования.

Результаты работы А. С. Бочкарева приводят, как мне думается, к весьма важным наблюдениям. Они отчасти выходят за рамки того, что формулирует сам диссертант. Однако его выводы наталкивают на мысль о том, что многие травматические особенности петровской эпохи кроются в приемах (и опыте) борьбы с дезертирами в XVII веке.

Павел Валерьевич Чеченков, к. и. н., Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева, оппонент:

Вопросы организации вооруженных сил, взаимодействия власти, общества и военных структур, влияния военных конфликтов на экономику и социум не только в последние десятилетия, но и на протяжении всего развития исторической науки находились в центре ее внимания. Особый интерес в этом плане вызывает история России XVII в. Во-первых, на ее примере мы можем наблюдать один из вариантов тех грандиозных трансформаций, которые происходили в данную эпоху в европейском военном деле. Этот вариант интересен с точки зрения особого пути развития государства на восточной окраине Европы, конфессионально и культурно отличавшегося от соседей. Во-вторых, само Российское государство переживало сложную переходную эпоху между Средневековьем и Новым временем. Не секрет, что традиционно началом модернизации в России считаются петровские реформы. При этом многочисленные перемены, происходившие с государством и обществом, сближавшие страну с остальной Европой в эпоху первых Романовых, остаются в тени грандиозных преобразований великого реформатора. В связи с этим исследование, предпринятое А. С. Бочкаревым, представляется актуальным и способным расширить наши представления о модернизационных процессах. В центре внимания диссертанта оказался региональный вариант полков «нового строя», создаваемых на западноевропейский манер. Во главу угла он поставил слабо изученную проблему дезертирства. Всесторонний ее анализ позволил выйти за рамки военно-организационных вопросов и рассмотреть проблему в широком контексте социального и экономического развития страны, а также в сопоставлении со сходным опытом Речи Посполитой и Швеции, в конфликтах с которыми и использовались олонечские полки, заинтересовавшие исследователя.

Диссертационная работа имеет продуманную внутреннюю логику, обоснованные территориальные (Олонецкий уезд и районы дислокации олонекских полков) и хронологические (период существования последних) рамки. В первой главе автор устанавливает «внешние параметры» явления: общую обстановку в регионе, динамику численности исследуемой группы населения и статистику дезертирства. Во второй главе он переходит к более сложным вопросам — выяснению предпосылок дезертирства, выделяя три фактора: экономический, социальный, военный. Третья глава посвящена тактике осуществления дезертирства и ответным мерам правительства. Данная структура вполне соответствует поставленным задачам. Она позволила диссертанту выдвинуть четыре положения для публичной защиты и, последовательно решив задачи, достигнуть цели исследования.

Историографически автор вписывает свою работу в два контекста. Во-первых, это немногочисленные отечественные и зарубежные исследования о дезертирстве как явлении в разных странах и разные эпохи. Из них лишь единицы имеют отношение к России XVII в. Во-вторых, более обширная категория публикаций, посвященных Карелии и олонекским полкам. Здесь наибольшее внимание А.С. Бочкарев уделил работам Д. В. Брусницыной. Это вполне логично, поскольку их исследовательские интересы наиболее близки друг другу. При этом автор убедительно показал отличия в подходах. Если Д. В. Брусницына изучала олонекских пашенных солдат и драгун с позиций истории крестьянства, то диссертант — под углом зрения военной истории. Соответственно, различаются и полученные результаты. Не обойдена вниманием работа финского исследователя Ю. Т. Лаппалайнена о схожих явлениях той же эпохи по другую сторону российско-шведской границы. Проведенный диссертантом анализ историографической ситуации ярко высветил новизну представленной работы.

Сделанные в диссертационном исследовании наблюдения опираются на объемную и достаточную источниковую базу. Ее основу составили неопубликованные материалы Российского государственного архива древних актов (13 единиц хранения) и Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (43 единицы хранения). Следует отметить, что все это объемные дела приказного делопроизводства, написанные трудночитаемой скорописью XVII в., требующей от исследователя значительных временных затрат и специфических навыков для прочтения. Значительный объем привлеченных источников привел исследователя к необходимости объединить их несколько групп: законодательные акты, документы публично-правового характера, документы частноправового характера, судебно-следственная документация, приходно-расходная документация, массовые источники (под ними автор понимает переписи солдат), нарративные источники. Все они в совокупности позволили провести всестороннее объективное исследование заинтересовавших автора явлений, ввести в научный оборот новый источниковый материал.

Методологически автор основывается на сочетании институционального и антропологического подходов. В работе применены историко-генетический,

историко-сравнительный, историко-типологический, историко-статистический методы и метод комплексного анализа.

В первой главе прослежена история административно-территориальных преобразований, изменений системы управления и самоуправления Карелии, начиная с 70-х годов XV в. Формирование Олонецкого уезда, как показал автор, стало организационной основой создания олонецких солдатских и драгунских полков, набранных из черносотных крестьян. При этом А. С. Бочкарев обращает внимание на интересную проблему изменения социальной самоидентификации крестьян, которые в своих челобитных стали использовать формулы характерные для служилых людей. В реальности, как отмечает исследователь, пашенные солдаты и драгуны остались лишь внутрисословной группой. Их появление усугубило расслоение между крестьянами, а также способствовало радикализации протестных настроений в среде солдат. Анализ источников позволил диссертанту показать, что в основу военной организации была положена крестьянская общинная. Каждая волость формировала отдельную роту. В результате сослуживцы были изначально связаны тесными родственными или соседскими связями, что способствовало организации коллективных побегов со службы. Также в первой главе автором скрупулезно собраны данные о динамике численности олонецких солдат и драгун, о динамике распространения уклонения от службы и дезертирства. Они сопоставлены с ходом военных действий между Россией и Речью Посполитой, Россией и Швецией. При этом уточнены данные, приводимые Д. В. Брусницыной, и введены в оборот новые. Обогащают исследование и высвечивают специфику олонецких пашенных солдат сопоставления с комарицкими драгунами на южных рубежах Российского государства, а также с ситуацией в Восточной Финляндии.

Вторая глава диссертационного исследования, посвященная факторам дезертирства, представляет наибольший интерес. Здесь подробно разобраны основы военной логистики полков «нового строя» и ее проблемы, чему в историографии уделялось недостаточно внимания. Вопросы денежно-продовольственного снабжения вписаны в общий контекст правительственной политики. Это позволило А. С. Бочкареву выйти на уровень важных обобщений: «Финансовый кризис... скрывал под собой глубокие причины разрыва потребностей и возможностей царской казны: возросшие материальные затраты, связанные, во-первых, с массовым формированием полков «нового строя» и подготовкой к войне, а во-вторых, обеспечением армии на театре военных действий с весны 1654 года, российский бюджет осилить не мог... что, в свою очередь, положило начало волнам массового дезертирства по экономическим мотивам» (с. 131). При рассмотрении социальных предпосылок дезертирства проанализированы проблемы, интерес к которым характерен для антропологически ориентированных исторических исследований: злоупотребления представителей власти, коррупция, конфликты с начальством, отношения с иноземными начальными людьми, стратегии поведения «простого» человека и способы его воздействия на власть. В иерархии факторов влияния на третье место

поставлен военный. Это непосредственная угроза Олонцу со стороны шведов, которая в условиях истощения мобилизационного ресурса Олонецкого уезда, еще более провоцировала бегство личного состава. Автор установил, что большие безвозвратные потери, усиление мобилизационных мероприятий, сопровождавшееся произволом местных властей, привели к крушению крестьянских хозяйств, экономическому упадку уезда и полной дезорганизации олонецких полков.

В заключительной главе диссертант, проанализировав социальный состав руководства олонецких полков, пришел к выводу, согласно которому младший командный состав состоял из тех же крестьян, что и рядовая масса. В условиях, когда олонецкие полки набирались по территориальному принципу, урядники меньшего чина являлись опасным и дезорганизующим элементом, выступавшим в качестве организаторов побегов. А. С. Бочкарев продемонстрировал приемы борьбы с дезертирством. В результате им было установлено, что при первичном рассмотрении система сыска и возврата беглых производит впечатление хорошо отлаженной розыскной службы, но в действительности она оказалась недостаточно эффективной и не смогла пресечь массовые побег. Расширяют представления об интересующем автора явлении приведенные им сведения о борьбе с дезертирством того же времени в Речи Посполитой и Швеции, в войнах против которых были задействованы олонецкие пашенные крестьяне.

В заключении автор сформулировал основные выводы, которые соответствуют цели и задачам диссертационной работы, ее структуре и отражают новизну исследования. В итоге автор смог выйти на уровень серьезного обобщения важного для дальнейших исследований в данном направлении: расформирование олонецких полков «нового строя» «показало, что правительство осознало сложность и организационную неготовность создания регулярных формирований из податного населения в рамках существующей системы вооруженных сил» (с. 183).

Труд А. С. Бочкарева представляет собой самостоятельное завершённое исследование с четкой постановкой цели и задач, разнообразным применением современных методов исторического исследования, высокой степенью доказательности и обладающее теоретической значимостью.

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации, основные положения изложены в семи статьях, из них четыре опубликованы в изданиях из перечня, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Ценность научных работ соискателя состоит в том, что они достаточно полно отражают проблематику диссертации и служат подтверждением ее апробации, которая представлена и в выступлениях диссертанта на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях.

Вместе с тем по содержанию работы может быть сделан ряд замечаний.

1. Актуализация размыта и не содержит обоснования выбора для исследования именно олонецких полков «нового строя». Читателю остается лишь

догадываться, существовали ли в это время другие схожие подразделения и отличались ли они чем-то от олонецких.

2. Цель сформулирована несколько упрощенно и, скорее, напоминает цель служебного расследования, а не научного исследования. Автор как бы не претендует на выход к более сложным вопросам, чем «причины и последствия бегства солдат и драгун», тем самым принижая значение проведенной им работы.

3. Соискатель дает обзор историографии проблемы дезертирства в России разных эпох и за рубежом в период раннего Нового времени, а также обзор работ по истории олонецких полков. Между тем представляется, что едва ли не в первую очередь следовало бы вписать диссертационное исследование в общий контекст работ, посвященных военной истории России XVII в. Современные работы О. А. Курбатова, А. В. Малова и некоторых других исследователей упомянуты лишь в той степени, в которой они затрагивают проблемы уклонения от службы. Однако их значение для данной проблематики все же шире.

4. А. С. Бочкарев постарался размежеваться с работами по той же тематике Д. В. Брусницыной, однако не указал, насколько совпадет источниковая база их исследований.

5. Первый и второй параграфы главы I не нашли своего отражения среди положений, выносимых на защиту, чем создается впечатление их второстепенного значения в диссертационном исследовании.

6. Диссертант отметил, что из олонецких крестьян набирали в солдаты и драгуны, но не пояснил, были ли какие-то различия в отборе к тому или иному виду службы, в их дальнейшей судьбе, поведении, склонности к дезертирству.

7. Административные преобразования в Карелии середины XVII в. автор называет реформой (с. 28), но не указывает ее программу, сроки реализации. При этом сам отмечает, что различные изменения шли еще с конца XV в. Добавим, что они происходили в это время во всем Российском государстве. Можно ли в таком случае говорить о реформе?

Высказанные замечания носят характер пожеланий и рекомендаций и не снижают общей положительной оценки работы. Диссертация в целом подготовлена на должном профессиональном уровне и свидетельствует о способности к самостоятельной работе и профессионализме соискателя. Работа Александра Сергеевича Бочкарева представляет собой научно-квалификационную работу, соответствующую требованиям пп. 9–11, 13, 14 Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Александр Сергеевич Бочкарев заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история.